

УДК 94(47)"1914/1916"

Д. А. Сафонов**Первая мировая война и провинция (на материалах Оренбургской губернии)**

Общие итоги воздействия любой войны на любую тыловую территорию можно просчитать даже логически. В то же время каждый регион страны имел свои особенности и, следовательно, последствия подобного воздействия также дифференцировались. В статье предпринимается попытка проанализировать последствия воздействия такого крупного катаклизма, как мировая война, на провинцию на примере одной губернии — Оренбургской.

Ключевые слова: провинция, тыл, Первая мировая война, региональные особенности, военнопленные, продовольственные трудности.

При масштабности мировой войны принято говорить о положении в воюющей стране в целом — ее проблемах, трудностях, настроениях населения и т.п.; при этом основное внимание, вполне предсказуемо, уделяется столицам и иным важным центрам. Между тем, на наш взгляд, представляет интерес вопрос: как война повлияла на провинциальные губернии — территории, достаточно далекие от театра военных действий. Определенные последствия начавшегося военного противостояния для провинции достаточно легко логически спрогнозировать, но трудно оценить без надлежащего анализа фактов. Да и вопрос заключается не в том, повлияла ли война на провинцию, а несколько в ином — каковы были масштабы воздействия войны на жизнь региона, насколько сильны оказались последствия. Нельзя сбросить со счетов и обязательно наличествующую региональную специфику.

В советской историографии российский тыл Первой мировой рассматривался как единое целое, без дифференциации по регионам, при этом обязательно фиксировалось несколько моментов: положение в тылу однозначно ухудшалось год от года, усиливалась дискредитация в глазах общества местных властей из-за неумения руководить, происходил рост социальной активности масс — иными словами, происходило вызревание предпосылок революции. Многообразны публикации по отдельным аспектам темы: рабочее движение, крестьянское движение, деятельность большевистских организаций, промышленность, деятельность управленческого аппарата и т.д. Все они в большей или меньшей степени приносили в науку новые данные. На современном этапе проявился повышенный интерес к теме, что было продиктовано рядом факторов, среди которых уместно отметить 100-летнюю годовщину войны. Появился ряд работ по теме: как обобщающих (И. Б. Белова [2]), так и по отдельным губерниям (Орловская — С. В. Букалова [3], Курская — Ф. А. Гавриков [5], Воронежская — Р. Н. Иванов [6], Оренбургская и Уфимская — И. В. Рязанский [9]).

Обращает на себя внимание то, что сюжеты, которым уделяли внимание авторы, похожи: мобилизация ресурсов провинции на военные нужды, снабжение тыла, военнопленные и интернированные, эвакуированные, восприятие войны населением, благотворительность и некоторые иные. Это говорит о двух важных моментах: схожесть сюжетов свидетельствует о том, что именно в этих сферах наблюдались наиболее серьезные перемены; появляется возможность для сопоставления данных. Но серьезных попыток их сопоставления пока не наблюдается.

Недостаточно разработан вопрос об особенностях губерний; так, постановка темы в монографии И. Б. Беловой невольно представляет тыл как нечто единое, нивелируя

© Сафонов Д. А., 2014

региональные особенности. Авторы работ по отдельным губерниям в лучшем случае констатировали наличие региональных причин, но выводы при этом делали о положении российской провинции вообще. Применительно к Южному Уралу И. В. Рязанский к специфике региона отнес то, что «он находился в глубоком тылу». Не совсем понятна аргументация в пользу объединения двух губерний в единый объект исследования — при том, что башкирские коллеги всегда отмечали особенность Уфимской — ее национальный состав. Вызывает сомнение изначальный посыл о том, что обе губернии «обладали серьезным социально-экономическим потенциалом, транспортной инфраструктурой... Промышленный потенциал Южного Урала, мощный аграрный сектор обусловили участие региона в военном производстве и снабжении армии всем необходимым». Кроме указанного, к отличию региона автор относил «своеобразный сословно-классовый состав населения», «разнорелигиозность» и «многонациональность» [9, с. 3]. Тем не менее все эти особенности были заявлены изначальным, априори; определение региональных особенностей автором не было поставлено среди задач исследования — он ограничился констатацией, что наличие особенностей, «несомненно, наложило свой отпечаток».

На наш взгляд, следует учитывать и четко разграничивать два момента. Во-первых, проблемные сферы, возникшие с началом военных действий, были действительно везде одинаковыми: призыв, эвакуация, военнопленные, снабжение, перевод предприятий на военные нужды и т.п. Во-вторых, в каждой губернии были свои местные факторы, неизбежно влиявшие на происходящее. Последние можно наблюдать в любой конкретно взятой губернии — мы же в качестве объекта возьмем Оренбургскую губернию, на тот момент — юго-восточную окраину европейской части Российской империи. Источниковая база поднятой нами темы оказывается достаточно мозаичной — специальных отчетов о положении в губернии в эти годы, о настроениях населения и т.п. не сохранилось; документация этих лет, связанная с властью, ощутимо пострадала в годы гражданской войны. Сохранившиеся документы текущего делопроизводства фиксировали внимание прежде всего на отрицательных моментах и возникающих трудностях.

Как отреагировало Оренбуржье на начавшуюся войну? На наш взгляд, весьма показательны в этом смысле сообщения местной прессы. Оренбуржцы были достаточно далеки от хитросплетений европейской политики, и познания их ограничивались подборками новостных агентств. Поначалу случившееся в Сараево было расценено как еще один эпизод бурной политической жизни на Балканах. Так, газета «Оренбургская жизнь» сообщила коротко об убийстве эрцгерцога, дав информацию лишь на 2-й полосе. Доморощенный комментатор заключал, что «теперь, со смертью эрцгерцога, тяжелый мираж войны должен исчезнуть с горизонта Европы» [14]. В номере от 22 июня был помещен материал «Кризис Австрии». В номере от 15 июля подборку международных новостей венчал заголовок: «Австро-сербская война». И наконец, номер от 22 июля вышел под шапкой «Мировая война».

Не миновала Оренбург и волна патриотизма — в первые месяцы войны родилась инициатива вслед за столицей изменить «немецкое» название Оренбурга. Городская Дума достаточно долго обсуждала предлагаемые проекты: Неплюевск, Усть-Самарск, Сакмар-Уральск, Ориенград, Ориендар, Яицк, Приуральск, Елизаветдар, Оренград, Славно-Георгиевск, Славянск, Трезвославль, Единомышль, Советград, Ратислав, Щитоград. В итоге в конце апреля 1915 г. городская Дума, наконец, решила «название города не изменять» [12, с. 464].

Оренбургским губернатором генерал-лейтенантом Н. А. Сухомлиновым был издан ряд распоряжений, касающихся управления краем в условиях военного времени. В частности, жесткие меры были приняты в отношении пьянства: 26 июля была запрещена

продажа спиртного во время мобилизации, 4 августа запрещено распитие крепких напитков на улице, появление в «явном опьянении» каралось тюремным заключением до 3 мес. или штрафом до 3 тыс. руб. Тогда же запрещено хранение алкоголя, «превышающее потребности». 16 февраля 1915 г. губернатор запретил продажу, уступку и распитие лака, политуры, одеколона, лечебных средств со спиртом, а также казенного спирта и технического. Запрещено было производство домашним способом «савраски», «кислушки» и распитие таковых. С 5 августа было запрещено повышать произвольно цены на все предметы продовольствия, фураж, топливо против цен, установленных комиссией городской Думы. Ряд уголовных преступлений был временно изъят из ведения гражданских судов и передан военным судам: разбои, умышленные поджоги, истребление воинского снаряжения и запасов, вооруженное сопротивление властям, изготовление и хранение взрывчатых веществ, устройство стачек [18, л. 7]. Переданы были также дела о «распространении ложных слухов, возбуждении беспокойства в умах, а равно напрасное причинение общей тревоги».

Со слухами велась активная борьба — «слухи порождают тревогу и уныние», говорилось в одном из губернаторских постановлений. К «слухам» относились «суждения в речах», «содержащие преувеличенную оценку сил неприятеля, значения достигнутых им успехов», а также «непристойные отзывы и суждения по отношению к Российскому государству и армии». 29 июля 1914 г. существовавшее постановление сентября 1913 г. было дополнено пунктом 18, запрещающим «открытие редакциями газет сбора денег на поддержание забастовщиков, в пользу ссыльных, на уплату взысканий, наложенных судом или административной властью, и других недозволенных сборов» [18, л. 5]. Для военных нужд изымались «самоходные машины» (т.е. автомобили). Решением от 19 сентября у всех торговцев и жителей реквизировались предметы обмундирования и снаряжения; покупка и продажа таковых были запрещены [18, л. 15]. 24 октября было запрещено повышать цены на квартиры, где проживали семьи запасных нижних чинов и ратников, а также выселять их [18, л. 17].

Инициативные распоряжения губернской власти мы наблюдаем и в 1915 году. Так, и.д. губернатора Пушкин 16 июня 1915 г. объявил о дополнительных мерах относительно «распространения слухов и ложных сведений о событиях войны, непристойных отзывов в отношении руководства, армии и Верховного ея Вождя»: «В интересах сбережения военной тайны не сообщать в телеграммах сведений, которые могут быть использованы неприятелем в своих видах» [18, л. 36]. 2 ноября 1915 г. было воспрещено частным лицам держать без разрешения почтовых голубей, каковых надлежало сдать в недельный срок [18, л. 39].

Инициативы с губернского уровня власти интересны, уместны и достаточно логичны. Тем не менее обращает на себя внимание факт, что все вышеназванное, получается, вводилось именно на местном уровне, хотя явно напрашивались подобные решения уровня общегосударственного.

Самую широкую инициативу губернатор предоставлял населению в деле подготовки к приему раненых. Уже 5 августа 1914 г. Сухомлинов призвал население губернии заранее сообщить в местные органы власти, кто сколько человек возьмется приютить. На следующий день после начала войны в Оренбурге были открыты шестимесячные курсы сестер милосердия военного времени. Началось обустройство лазаретов. Торговцы и промышленники Оренбурга полностью финансировали создание и шестимесячное содержание госпиталя на 50 коек. Общество любителей физического развития создало специальный отряд для переноски раненых. 22 августа был образован губернский распорядительный комитет по эвакуации больных и раненых. К началу сентября число коек в губернии было

доведено до 568. В 1916 г. в Оренбурге действовало 43 лазарета, за год город принял 48 санитарных поездов с 23 тыс. раненых [10, с. 121].

Уместно подчеркнуть, что мы не встретили в источниках ни одного упоминания о том, что в связи с вновь возникающими обстоятельствами (вызванными начавшейся войной) как-то изменилось финансирование; иными словами, все расходные новации перекладывались на местную власть. Вероятно, поэтому губернатор так поддерживал инициативы (источники, к сожалению, не позволяют уточнить — были ли они настоящими или умело срежиссированными выражениями волеизъявления в нужном направлении).

Тем не менее ряд патриотических начинаний был сделан органами самоуправления. Оренбургская городская Дума учредила городское попечительство по призрению семейств нижних воинских чинов, призванных в действующую армию, под председательством священника Д. Кононова. Несколько позже был введен так называемый «пудовичок» — пуд белой муки, выдаваемый ежемесячно солдаткам бесплатно за счет Думы. Хлеб выдавался бесперебойно до весны 1916 г. Почти тогда же губернатор призвал оказать бескорыстную помощь семьям фронтовиков в уборке урожая. Активно собирались пожертвования на военные нужды — фамилии жертвователей публиковались в местной прессе.

Но возникали и проблемы, которые на частной инициативе или добровольности населения разрешить было невозможно. Речь идет о беженцах, эвакуированных, высланных и военнопленных. Содержание и расселение их ложились тяжким бременем на губернский бюджет. Даже губернский центр Оренбург был неспособен принимать избыточное население — в литературе известен факт, что, когда в начале XX в. было начато строительство Ташкентской железной дороги, в Оренбург были переброшены 200 рабочих из Самары. Даже такое небольшое количество приезжих «взорвало» цены на жилье и цены на рынке. В данном же случае счет шел на тысячи приезжих, причем с постоянной тенденцией к росту. Только беженцев и эвакуированных в период 1914—1916 г. прибыло 15,2 тыс. (показательный момент — первые беженцы до октября 1914 года были вынуждены проживать в летних беседках в городском саду). Денег не было. Показательно, что 27 августа 1915 г. с совместным обращением «К населению Оренбургской губернии» обратились Серафим, епископ Кустанайский и главноначальствующий губернии и.д. губернатора Пушкин: в губернию будет направлено 100 тыс. беженцев, им надо помочь — «примите же и накормите их, согрейте лаской и теплым уютом» [19, л. 3].

Территория края использовалась также «для водворения проживавших в России до войны германских и австро-венгерских подданных, подлежащих по возрасту своему поступлению в войска неприятельских армий, а также подозрительных в отношении шпионства иностранцев». Таковых вместе с членами семей насчитывалось до 10 тыс. человек. Несколько позже стали поступать высланные за «вредное в политическом отношении направление» — 548 человек. С конца августа стали поступать военнопленные с фронта. Местные власти рассчитывали где-то на 2000 человек и соответственно приготовились, но уже к концу 1914 г. в пределах края находилось 3482 человека. Пленные рассылались по селам для проживания, в пределах Оренбурга они размещались в концентрационном лагере в Меновом дворе (под Оренбургом); второй лагерь был создан в Тоцком. Новый 1915 год отличался увеличением числа военнопленных — 13 725 человек, из них 909 — в сельской местности [16, л. 235 об., 486—502 об.]. Как писал один военнообязанный из поселка Чернореченский, «сейчас все немцы разбросаны по всем российским свинюшникам» [16, л. 777].

Скученность населения повлекла за собой болезни. С наступлением теплой погоды в 1916 г. начались эпидемии: «здесь много наших умирает» (М. Магерт в пись-

ме в Галицию) [16, л. 815], «здесь свирепствуют болезни» (неизвестный автор в Тернополь) [16, л. 815], «увеличиваются болезни среди пленных» (из отчета губернатора) [16, л. 212 об.]. О количестве погибших данных нет, но косвенные сведения дает информация о потерях среди беженцев — к маю 1916 г. в Оренбурге из их числа умерших было 51 тыс. человек [16, л. 748 об.]. Нетрудно предположить, что положение военнопленных было значительно хуже.

Серьезной проблемой стал дефицит рабочей силы. В принципе уменьшение количества рабочих рук изначально учитывается при планировании мобилизационных мероприятий, поэтому нет оснований рассуждать в общем о том, что призыв людей в действующую армию тяжело отразился на экономике страны и особенно на сельском хозяйстве. Другое дело, что власть, судя по всему, в 1915-м году попыталась решить проблемы фронта через резкое увеличение призыва, что в итоге и создало дефицит в отдельных регионах, в Оренбуржье в частности. По данным Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., из Оренбургской губернии было мобилизовано 162 661 человек, что составило 44,6% трудоспособных мужчин [15, л. 21].

В крае не было крупных предприятий, чье производство было бы принципиально важно для нужд фронта. То, что производилось на предприятиях края, можно определить как производство «второй очереди»; так, завод Эверта с 1915 г. перешел на изготовление снарядов, шрапнелей, ручных гранат и отливку деталей для военного обоза; завод № 1 изготавливал военные двуколки и другие предметы военного снаряжения; акционерное общество «Орлес» производило деревянные ящики для гранат, снарядов и мин. Белорецкий и Тирлянский заводы поставляли армии колючую и телеграфную проволоку, а для казенных оружейных заводов — сортовое железо и сталь. 16 кожевенных заводов и мастерских губернии готовили обувь для армии. Так же как и по стране, на предприятиях в 1916 г. имели место забастовки — исключительно экономического характера; ни одного случая с политическими лозунгами отмечено не было. Некоторой спецификой региона можно считать достаточно неожиданное появление в документах упоминаний о китайских рабочих на Белорецком заводе, при этом точных данных о времени их появления на заводе не сохранилось.

Гораздо острее встал вопрос о рабочих руках применительно к сельскому хозяйству. Можно предположить, что в итоге к 1916 году мобилизации изъяли в Оренбуржье трудоспособное население сверх допустимого предела. В пользу этого говорит поиск властями работников. С апреля 1916 г. местные власти были вынуждены разрешить привлекать военнопленных и военнообязанных «для предупреждения недосева полей» [18, л. 254]. Несколько позже немцев стали использовать в работах в городах и на строительстве Орской железной дороги, а также на уборке. В отчете за 1916 г. оренбургский губернатор констатировал, что труд военнопленных — «подспорье при недостатке рабочих рук в деревне» [18, л. 235].

В 1916 году по стране прокатились продовольственные волнения городского и сельского населения. В литературе принято оценивать эти волнения, более известные как «голодные бунты», как проявление недовольства масс ухудшающимся экономическим положением и как «форму протеста и борьбы», своеобразно отражавшую «остроту социальной напряженности» [7, с. 15]. «Бунты» затронули и Оренбургскую губернию. 2 мая 1916 г. толпа солдаток и горожан разгромила в Оренбурге 30 магазинов и хлебных лавок. Посланный на ее разгон казачий отряд забросали камнями, ранив 6 офицеров и 46 казаков. С помощью пехотных частей волнение было подавлено, а 188 его участников арестованы. В ноябре 1916 г. в связи с нехваткой продовольствия произошли волнения населения Троицка и Соль-Илецка. На Айдырлинских приисках в Орском уезде населе-

ние разгромило все магазины и лавки. Осенью 1916 г. назревали продовольственные волнения в Челябинске и на Миасском заводе, но были предотвращены полицией. В конце этого года продовольственные волнения стали возникать и среди крестьян. В села Мраково и Покровское Оренбургского уезда властям пришлось спешно отправить отряды полиции для предотвращения разгрома магазинов.

Обращает на себя внимание, что происходит резкий спад местного правотворчества, а значит, и активных шагов губернской власти по сравнению с началом войны. Ответить однозначно — связано ли это было с запретами, поступившими из центра, или же с деловыми качествами сменившейся в губернии администрации (в сентябре 1915 г. Н. А. Сухомлинова сменил М. С. Тюлин) — сложно. Факт — губернская власть становится более пассивной; ее решения, даже если и появляются, оказываются достаточно бессильными и почти нереализуемыми. Например, 2 ноября было воспрещено скупать разменную монету и накапливать ее, отказываться от сдачи ею, требовать размена рублей на звонкую монету [18, л. 40]. Проблема подорожания предметов первой необходимости и продуктов в стране, несомненно, была. И Оренбуржье не исключение — и.д. губернатора 4 февраля 1916 г. ставил перед начальником ГЖУ задачу во исполнение воли Государа Императора «решительной и планомерной борьбы с возрастающими в стране... взвинчиванием цен на продукты первой необходимости» [17, л. 7]. Но сам он издал по данному вопросу распоряжение только 6 апреля — было запрещено произвольно ограничивать отпуск товаров продовольствия и первой необходимости. Воспрещено закупать их в запасы — т.е. «искусственно» создавать дефицит [17, л. 42].

Параллельно с ослаблением власти на местах шло усиление активности масс — но не социальной, как это было принято считать в отечественной историографии, свидетельствующей о революционизировании масс и итоговой готовности российского общества к революции, а прежде всего акций неповиновения — того, что было названо В. Булдаковым акциями «разгромного и “воровского” характера» [4, с. 106]. Только он говорил о таковых применительно к начавшейся революции, а мы полагаем, что данное явление следует наблюдать ранее, как раз с 1916-го года.

На наш взгляд, явления, традиционно именуемые «голодными» бунтами, таковыми по сути не были: уместно указать, что поводом для беспорядков в Оренбурге, например, была не нехватка жизненно важного продовольствия, но желание получить бесплатный «пудовичок» почему-то раньше положенной даты. Разгромленными и разграбленными были в первую очередь не продовольственные магазины, что было бы ожидаемо, но золотых изделий, галантереи, обуви и т.п.

Подобные беспорядки были связаны с экономическими трудностями косвенно; скорее речь должна идти об актах неповиновения, уменьшения страха перед властями. Нечто подобное уже наблюдалось в период первой революции, когда в 1906 году оренбургские крестьяне вдруг стали активно вспоминать «обиды» и «несправедливости» периода заключения уставных грамот и декларировать намерение таковые исправить силой. И чем больше уступок удавалось добиться от помещиков и властей, тем более наступательными становились крестьяне. Как только власти начали оказывать противодействие, крестьяне тут же уступили: произошел резкий спад претензий на землю [11, с. 32—33].

После февраля 1917 г. резко ускорились и процесс ослабления местной власти, и процесс неповиновения. Показательное свидетельство быстрых перемен в поведении масс наблюдается в мемуарах А. М. Колыхалова (1925 г.), жителя Алексеевской вол. Исаево-Дедовского уезда. Группа крестьян была отправлена на станцию сдавать хлеб. Один из них — Тимофей Филиппов — случайно услышал, что царя не стало и, вернувшись, «своим по секрету сообщил, что царя прогнали». При этом его семейные были перепу-

ганы не тем, что не стало царя, а тем, что сказавшего о революции, по их мнению, если услышат другие, заберут и посадят. Когда в дом к ним пришел урядник, чтобы узнать, сдал ли Филиппов хлеб, то все семейство разрыдалось, опасаясь ареста. А на пасху два брата солдата — А. и Е. Конновы — явились к уряднику с ультиматумом: на каком основании тот заходит с оружием в церковь и почему не снял старую форму. С призывом «Бей его, кровопийцу» на урядника первым бросился Т. Филиппов, тот самый, который еще несколько недель назад рыдал от страха перед ним [21, л. 1 об.]. С ослаблением властных структур, их самоустранением у населения наступало «внутреннее освобождение», проявившееся в раскрепощении, развитии самостоятельности, но у многих и в грубости, даже агрессивности. Среди самозванных вожаков на первое место выдвигаются солдаты — отпускные и дезертиры. Солдаты стали инициаторами многих самовольных начинаний, более решительных действий. Причина этого кроется не только в их сознательности, но и в расчете — большинство солдат в южноуральской деревне в 1917 г. были, конечно же, дезертирами. Этим людям было что терять в случае возвращения старой власти, перед которой пришлось бы отвечать за совершенное воинское преступление. Они чаще всего располагали оружием, были более решительны, более упорны, легче всего поднимались на насильственные действия и увлекали за собой определенную часть сельчан.

Важным показателем перемен стал рост преступности. Источники сообщают, что не было деревни, где бы не варили самогон. Совершались преступления, каковых долгое время не знали в крае, — типа покушения на ограбление почты в д. Екатериновка или ограбления кредитного товарищества в с. Зирган. Резко возросло число нападений и грабежей [8, с. 356].

К региональным особенностям стоит отнести события знаменитого восстания 1916 года, когда в Степном генерал-губернаторстве началось восстание казахов. В Тургайской области (территории, сопредельной с Оренбургской губернией и административно ей подчиненной) повстанцы концентрировались в ущельях гор, откуда мобильными отрядами совершали нападения на почтовые тракты, разбирали железнодорожное полотно, громили волостные правления, вырезали русских поселенцев. Один из крупных отрядов Тургайского уезда возглавлял Амангельды Удербайулы (Иманов). В июле мятеж достиг оренбургских рубежей: 16 июля в Актюбинском уезде произошло нападение вооруженных казахов на почту и автомобиль [20, л. 18]; 24 июля атаман Кваркенской станицы сообщил, что «киргизами Джинтуарской волости собралась большая партия, угрожают грабежом близлежащим крестьянским поселениям, избивали волостных и аульных писарей, грабят проезжающих, готовятся сделать нападение на соседние казачьи поселки» [20, л. 20 об.]. 22 октября повстанцы осадили Тургай, а затем повели наступление на Ирғиз. В случае его взятия появлялась реальная возможность прервать железнодорожное сообщение Оренбург — Ташкент.

Для подавления восстания из Самары выступила новая карательная экспедиция генерала Макарова, к которой присоединились части из Саратова, Оренбурга и других районов. Из действующей армии были направлены 7-й Оренбургский казачий полк с кольтовской пулеметной командой, 9-й сибирский казачий полк с пулеметной командой, 3-я Оренбургская казачья батарея [1, с. 236]. Продвижение повстанцев на Орск было в итоге остановлено, но в степи они так и остались вплоть до 1917 года — в середине апреля местные «Известия» объявили об амнистии Временного правительства казахам за восстание 1915 г.: в частности, было сообщено, что «главарь шайки хан Абдул Гафар» объявил о прекращении действий и «распускает шайку» [13]. Распущенные и нераспущившиеся группы повстанцев вновь активизировались в период последовавшего открытого противостояния в крае.

Именно размывание правовых основ общества следует полагать главным итогом воздействия на провинциальную губернию продолжающейся войны. Это также лучше помогает понять причины той ожесточенности, которая наблюдалась в период гражданской войны в крае.

Список использованных источников и литературы

1. Асфендиаров С. Д. История Казахстана (с древнейших времен). Т. 1. Алма-Ата : Казахстан. краев. изд-во, 1935.
2. Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 — февраль 1917 г. / под ред. Г. А. Бордюгова. М. : АИРО-XXI, 2011.
3. Букалова С. В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (Дореволюционный период: июль 1914 — февраль 1917 года) : дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2005.
4. Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. : РОССПЭН, 1997.
5. Гавриков Ф. А. Города российской провинции в условиях Первой мировой войны (на примере Курской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006.
6. Иванов Р. Н. Влияние Первой мировой войны на социально-экономическое положение Воронежской губернии (1914—1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2012.
7. Кирьянов Ю. В. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 — февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3.
8. Крестьянское движение в 1917 году. М. ; Л. : ГИЗ, 1927.
9. Рязанский И. В. Тыловая российская провинция в условиях Первой мировой войны: Южный Урал в июле 1914 — феврале 1917 г. : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006.
10. Сафонов Д. А. История Оренбургского края. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2006.
11. Сафонов Д. А. Крестьянство и власть в эпоху реформ и революций: на материалах Южного Урала. 1855—1922. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.
12. Сафонов Д. А. За страницами учебника по истории Оренбуржья. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2011.
13. Известия Оренбургского губернского комитета общественной безопасности. 1917. № 4. 16 апр.
14. Оренбургская жизнь. 1914. 17 июня.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-4265. Оп. 1. Д. 17.
16. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 21. Оп. 2. Д. 569.
17. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 607.
18. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 377/1.
19. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 401 а.
20. ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3082.
21. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО). Ф. 7924. Оп. 1. Д. 96.

Поступила в редакцию 12.08.2014 г.

Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: d_safonov@mail.ru

UDC 94(47)"1914/1916"

D. A. Safonov

World War I and the province (on the materials of Orenburg Province)

The total results of the impact of any war on any rear area can be calculated even logically. At the same time each region of the country had its own characteristics and, therefore, the consequences of such exposure could also be differentiated. An attempt to analyze the effects of such major disaster as World War II on the province is made in the article by the example of Orenburg province.

Key words: Province, rear, World War I, regional features, prisoners of war, food shortage.

Safonov Dmitriy Anatolievich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University,
460014, Russian Federation, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: d_safonov@mail.ru